

Миры Джеймса

ЕГОР КЛОПЕНКО

Klopenko Art Foundation

Егор Клопенко

Миры Джеймса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37982747

Миры Джеймса:

ISBN 978-1-77192-030-8

Аннотация

Эта книга о сокровищах нашей жизни. О том, что мы ничего не теряем, лишь находим. Эта книга о смысле жизни. О многочисленных мирах, которые мы создаем и лишь только до конца создали – покидаем, ни в одном не суждено остаться.

Миры, похожие на райские уголки, где мы – лучшее, что в нас есть. Миры обычной человеческой жизни, полные спокойствия, где все так понятно, где мы – послушные ученики, ответственные работники, надежные друзья, любящие и любимые. Миры, похожие на поле битвы, где мы изо всех сил пытаемся выжить и обезумевшие от усталости все-таки стремимся вперед. Миры, полные монстров, что рвутся на волю из ненадежных клеток нашего сознания, пытаюсь освободить все самое ужасное, что есть в нас, то, о чем мы лишь догадываемся, но надеемся, что все это никогда не увидит солнечный свет. Переходные миры, неправильные, где все меняется на глазах, а мы без сил, пострадавшие в предыдущих битвах, лишь выжидаем, что произойдет дальше, ждем попутного ветра. Миры, ослепляющие

нас своим драгоценным светом – миры-бриллианты, созданные лишь на мгновение, одним неверным движением, дуновением ночного ветра, блеском воды, прикосновением, но вмещающие в себя всю красоту жизни – словно одинокие прекрасные звезды, блуждающие в бесконечной тьме нашего существования. Роман в прозе от петербургского поэта Егора Клопенко.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	59
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Егор Клопенко

Миры Джеймса

© Егор Клопенко

* * *

Предисловие

Эта книга о сокровищах нашей жизни. О том, что мы ничего не теряем, лишь находим. Эта книга о смысле жизни. О многочисленных мирах, которые мы создаем и лишь только до конца создали – покидаем, ни в одном не суждено остаться.

Миры, похожие на райские уголки, где мы – лучшее, что в нас есть. Миры обычной человеческой жизни, полные спокойствия, где все так понятно, где мы – послушные ученики, ответственные работники, надежные друзья, любящие и любимые. Миры, похожие на поле битвы, где мы изо всех сил пытаемся выжить и обезумевшие от усталости все-таки стремимся вперед. Миры, полные монстров, что рвутся на волю из ненадежных клеток нашего сознания, пытаюсь освободить все самое ужасное, что есть в нас, то, о чем мы лишь догадываемся, но надеемся, что все это никогда не увидит солнечный свет. Переходные миры, неправильные, где все меняется на глазах, а мы без сил, пострадавшие в предыдущих битвах, лишь выжидаем, что произойдет дальше, ждем попутного ветра. Миры, ослепляющие нас своим драгоценным светом – миры-бриллианты, созданные лишь на мгновение, одним неверным движением, дуновением ночного ветра, блеском воды, прикосновением, но вмещающие в себя всю красоту жизни – словно одинокие прекрасные звезды,

блуждающие в бесконечной тьме нашего существования.

Мы – беспокойные путешественники, странники в этой тьме, перебегающие между мирами, наугад, рискуя всем. Нет карт, нет книг, чтобы хоть с чем-то сверить свой путь. Но этот путь – созидание, ведь если чего-то не было до нашего появления, значит, именно мы сотворили это, точно также как когда-то фантазией и волей первооткрывателей рождались и появлялись на этой планете, на ее картах целые моря и континенты. Мы – вечные творцы, обреченные божьей волей никогда не достичь совершенства и успокоения, никогда не прекратить свой труд.

Я согласен, возможно, эта книга также не очень хороша в качестве путеводителя по этим мирам. Но с ней вы сможете хоть немного свериться в своем пути и если не найдете здесь описания тех мест, куда бы вы хотели попасть, может быть, эта книга поможет вам избежать чего-то из того, что вы бы точно не хотели встретить.

И мои способы передвижения, перемещения, между мирами, что нашел я, конечно, покажутся примитивными для будущих поколений, но некоторые из них даже работают и, может быть, этому самому будущему поколению будет приятно воспользоваться ими, что-то вроде поездки на ретро автомобиле – почему нет.

И, в конце концов, никто же не стыдит древних греков за их примитивные представления о мироздании и жизни, и некоторые даже находят их эпоху достаточно прогрессивной;

смею вас заверить, что мои представления о мироустройстве, изложенные в этой книге – самые передовые для моего времени и даже смелые по его меркам. И пускай эти исследования сложно назвать фундаментальными из-за их разрозненности и некоторой бессвязности, но до меня ничего подобного раньше просто никогда не существовало. И когда я открывал свои миры, я испытывал настоящий страх, схожий со страхами первых естествоиспытателей, наконец оторвавшихся на целые пять метров на своем аэроплане от земли, этот страх и восхищение были настолько ужасающими, что сердце готово было разорваться на части и, пожалуй, не выдержало бы, если этот полет был хоть на метр выше. И после всего пережитого, после целой жизни, я испытываю гордость и радость, вспоминая каждый из этих полетов и каждый из этих миров, и не сожалею ни о чем, разве что о том, что эти миры рискуют однажды исчезнуть навсегда. И говоря о древности и примитивности, стоит упомянуть, что, например, песочные часы в тысячи раз честнее механических или, тем более, электронных, так как, отсчитав положенное время, останавливаются, опустошенные, а не пытаются лицемерить и делать вид, что все как прежде или даже, что все началось сначала.

Не буду лицемерить и я, что бы ни повторяли мне мои наручные часы, эта книга – неловкая попытка сохранить их, мои миры, ибо я верю, что пока будут существовать они, буду существовать и я, так что смею просить вас принять их,

позволить им остаться в вашем сердце, в вашем воображении. Откройте свое сердце, свои мысли и позвольте этим мирам жить в вашей фантазии, в вашей душе, право, уверяю – сколько бы они места ни заняли там – они нисколько не стеснят вас – его более чем достаточно, чтобы вместить, и гораздо большее, эти ваши владения – безграничны.

Глава 1

Вся наша прошедшая жизнь делится в памяти на них, на эти отрезки, на миры, эпохи – между ними только тьма и пустота.

Обратите внимание, они все равны, не важно, длились ли семь дней или семнадцать лет, у каждой свой цвет, каждая обладает законченностью, в каждой мы сыграли какую-то роль, были тем, кем уже никогда не будем. Каждая – отдельная законченная жизнь, и даже самые страшные и холодные столь же дороги нам, как самые счастливые, хотя бы тем, что мы их пережили, тем, что мы горды собою за это, или тем, как они нас изменили и чему научили. Мы как кошки, но не девять, а много больше жизней суждено нам пережить, со всеми их печальями, радостями, счастьем и безумным горем. Почти все поменяется, мы будем падать вниз, оказываться на самом верху, богачи, нищие, судьи и подсудимые, герои и последние твари, мы будем просить милостыню, помощь и будем бездейственно нежиться в собственной удаче и роскоши, растворяясь в ней до основания.

Кто мы настоящие? Кто мы? Что-то не менялось во мне, что-то было с самого начала и оставалось молчаливым наблюдателем всегда. Было со мной – но какие только изощренные ловушки и капканы я ни ставил – ничего не поймал в них. Как мне узнать, понять, увидеть, что это? Сколько еще

времени мне искать?

Я смотрю назад, оцениваю эти эпохи, эти прожитые мною жизни, и осознаю, что я не понимаю время, ибо оно не имеет никакого значения, не может хоть как-то упорядочить их. Маленький отрезок в семь южных дней мне так же дорог и занимает в моей душе столько же места, сколько двухлетний период жизни, и столько же, сколько все детство. Все это прошедшее имеет ко мне нынешнему малое отношение, скорее это фонотека с прекрасной музыкой, каждый диск – неповторим, каждый – законченное произведение, я подхожу к ним, выбираю произвольно любой, включаю его и раздается прекрасная песня, до боли или до слез, или до сжимающего зубы счастья знакомая, часть меня. Я вспоминаю, что этот случайно выбранный мною диск подарила мне Ты, я так давно его не слушал.

* * *

Я так скучал по дневному свету, но, выйдя на улицу, опять не застал его. Зимняя вечерняя тьма оказалась чуть грязнее и разбавленнее, чем утренняя. Уставший, постаревший, раздавленный тысячей ног снег из последних сил прикрывал неприлично обнаженную для декабря мостовую. Закончился рабочий день, закончился крестовый поход – огромное войско, вразброд, кто как может, кого как ждут, плетется напролом по заснеженным улицам. Уставшие люди, наконец, по-

спешно возвращаются к своим личным проблемам, к своим мыслям, к своей собственной жизни, к себе, домой. И вот Я опять один из них. Бреду в толпе, наверное, самый молодой здесь. Не знаю, кто за что сражался: за деньги, за власть, за веру, знали ли они сами? Я — лишь чтобы выжить, случайно связался и безумно хотел отделаться от этой воинственной компании, но не знал как.

Ежевечерние опыты выявляли очевидную несущественность времени пути по сравнению с преодоленным расстоянием. Куда бы ты ни ехал, если делать это достаточно целенаправленно и даже не мыслить раньше положенного свернуть, ты чудом оказываешься на месте, почти сразу, как только начинаешь путь. Время искажается и обесценивается, и уже почти невозможно сопоставить тот кратчайший отрезок в памяти, приписываемый путешествию, с громадным географическим расстоянием, разделяющим пункт отправления и пункт назначения.

Иногда это даже пугает: только вышел с работы, еще целых двадцать минут пешком, а потом пять остановок на автобусе до метро, как вдруг под ногами все уезжает, ступени складываются, и ты рефлексивно делаешь шаг с эскалатора на мраморный пол вестибюля станции. Но этот страх многократно уступает безумному желанию ускорить свою судьбу.

Станции метро казались с каждым днем все более сумасшедшими, все больше людей. Я пропускал один, второй, третий переполненные поезда, я знал, что скоро мне вообще

не найдется места в них, я чувствовал, как кончается прекрасная эпоха моей жизни, что скоро все совсем изменится. И то, как отстраненно и спокойно я наблюдал за этими уходящими поездами, доказывало мне, что я уже часть чего-то нового, лишь декорации еще не успели сменить, но я уже изменился. Я уже не уставший после рабочей смены непротитительно молодой человек. И все эти смены и поездки на работу, балансирующие скорее на грани самоокупаемости, чем зарабатывания каких-то денег, все это лишь глупый, но необходимый ритуал, и сейчас, через мгновение все исчезнет, так же как поезда метро, автобусы, люди. Путь закончится, я проснусь и выйду на своей, только своей остановке, остановке завтра, совсем другой человек, человек из завтра, я найду то, что искал и, наконец, узнаю – что же это такое. И я уже чувствовал, что стал этим человеком из завтра и лишь ждал с нетерпением, когда путь закончится, и судьба, разогнавшись и перепрыгнув сразу через несколько ступенек, остановится, и откроются двери.

И вот, этот человек завтрашнего дня отводил взгляд от остатков возвращающегося домой полчища, от давивших друг друга людей с лицами, лишенными выражения, штурмующих очередной переполненный поезд. Он забывал о всякой усталости, о доме и поднимался назад, в заснеженный город.

Он шел через вечер, мимо людей, опускающих глаза, прячущихся, словно в тяжелой шубе в зимней тьме от холода, от

чужих взглядов, от своей судьбы. Они мчались так быстро, что их уже было не остановить, сейчас время поддастся им, и их странствие на сегодня будет закончено, и не вспомнят они ни этого холодного ветра, ни того, кто встретился им на пути, окажутся дома, в тепле, в безопасности, не тронутые ничьим взглядом, в целости и сохранности, точно такие же, какими они начинали этот путь. Все будет так, как они хотят.

Но тьма растворяется в желтом свете зажегшихся фонарей, везде световые разводы, на тротуарной плитке, на дорогах. Оттаивает зимний вечер, согретый электрическим теплом. Зеленые ли, голубые, карие глаза медленно приближаются, рассматривают витрины, прохожих, хотят, чтобы что-то случилось, хотят встретить чужие взгляды, судьбу, ищут. Короткое белое пальто, тоненькие высокие каблочки или синее пальто, или красное. Я подходил, немного смущая безобидным вопросом какую-нибудь девушку, она вздрагивала от неожиданности, но с улыбкой отвечала, стесняясь своей неловкой первой реакции, мы начинали разговор.

– Я не претендую на роль твоей судьбы, но ты очень красива.

Мы пили кофе в пустой кофейне, прогуливались вдоль набережных, когда на улице становилось чуть теплее. Безумно приятно узнавать, общаться с совершенно незнакомым человеком. Его реакция, ответы, его мир лишь чуть-чуть приоткрывающийся для тебя, а в целом прячущийся за невинной прекрасной улыбкой.

– Не горячо?

– Очень... – она слегка прикоснулась губами к краю кружки.

Какая роскошь – воспринимать человека лишь по тому, какой он в этот момент с тобой, какой он есть сейчас. Вслушиваться в слова и чистосердечно восхищаться той ролью, которую он специально только для тебя играет, раскрепощенный вашим незнакомством, видеть придуманный идеальный образ, плениться им и не знать, не помнить о мелких неудачах и недоработках, шероховатостях, которые наверняка его в обычной жизни от этого образа отличают. Это – чистое творчество.

– Мы все знаем, – рассуждала она очень серьезно, на какую-то свою тему, так странно перекликаясь с моими отвлеченными мыслями, – какими быть должны, какими нас будут любить, как надо вести себя, чтобы понравиться, все, только очень редко бывают поводы, чтобы быть такими.

– Ты – чудесный повод.

Так интересно было наблюдать за ней, она постоянно поправляла рукой свои и без того идеально уложенные волосы, крутила блестящую чайную ложечку. Я смотрел на нее, она замечала мой взгляд и продолжала рассказывать о себе, о каких-то мне не ведомых людях, ее знакомых, столь же таинственных, как случайные герои книг, столь же несуществующих для меня. Она оценивала мою реакцию, в ней боролись смущение и вдохновение, а точнее, вступали в союз, ускоряя

ее речь, делая ее монолог особенно возвышенным и красивым. Всего-то чуть-чуть не хватает, чтобы жизнь была абсолютно счастливой – ее вдохновения, неважно, какая роль. Я просил повторить Ее на бис: завтра, послезавтра, всегда. Я готов был слушать, слушать и слушать. И она, оценив благодарность слушателя, бескорыстно делилась со мной своим счастьем.

С утра я приходил на работу в небольшой офис, что располагался на последнем этаже старого дома, ровно три комнаты, справа от лифта, пятнадцать сотрудников. Мы все играли в этом небольшом камерном театре серьезную фирму с большими делами и деньгами, транснациональную корпорацию. С невероятными усилиями мы все, так как его собственных было абсолютно недостаточно, делали из пожилого неприметного мужчины важного директора, императора. Он, то и дело с ярко выраженными драматическими интонациями изображая гнев, срывался на секретарш, а те сплетничали на маленькой кухоньке, в табачном дыму о его жизни, сопровождая все это дешевыми шутками, которые всегда вызывают отрывистый, но очень громкий смех в зале. Сценарий бездарный, дешевый и только антракт на сорок минут – обеденный перерыв давал возможность мне вытерпеть, вынести просмотр этого спектакля, разделив творческие муки всех участников этого представления на две практически равные части, каждая из которых все-таки значительно меньше целого.

– Алло, привет, как сегодня поживает твоя судьба?

– Привет. Я ее обману. В восемь?

Была в этом спектакле и главная героиня – женщина лет тридцати пяти, старший менеджер, за которой усиленно ухаживал император; и измены, и жена, приезжающая проведать мужа, и не застав ничего, кроме обсуждающего шепота секретарш, безумно злая, покидающая сцену. В подобных пьесах такие несчастные персонажи считаются комедийными. Дешевый провинциальный театр на уровне самодеятельности. Я удивлялся, как он существует, как эта фирма зарабатывает хоть какие-то деньги? Каким образом? Но она существовала, так сильно уверовали в нее, привыкли к ней ее обитатели. Иногда здесь заключались выгодные контракты, и игра в этом театре приносила хоть небольшие, но все же деньги всем актерам, которые давно уже не грезили о мировой славе – обычное ремесло. Я, начинающий актер второго плана, менеджер, совмещающий учебу с работой, лишь небольшие деньги на существование. Я грезил совсем о других ролях, но все же день ото дня делал отчеты о продажах, назначал встречи, выслушивал начальника, шутил с секретаршами, выбрасывая публике очередную пошлую остроту на их вкус, вызывающую громкий смех. Играл машинально, без вдохновения, как и все здесь.

Я экономил, не ел целый день, но вечером Я мог угостить озябшую на холодном ветру незнакомку, в тишине согреть горячим кофе, смотреть в ее глаза, прощать ей все и быть

счастливым. Большинство из них уже встречались с кем-то, многие не хотели потом встречаться со мной, со многими не хотел встречаться я. Я был безумно одинок.

Сложно было понять законы этого мира, но я учился и чувствовал, что если даже самая глупая уверенность моих коллег может привести в жизнь столь нерациональную, громоздкую и глупую структуру как эта фирма, то настоящая вера сможет превратить нашу жизнь во что угодно, и я искал это «что угодно», свое будущее и пытался верить, искренне верить в него, я учился верить в свои мечты и учился мечтать. Ибо любой из этих двух навыков почти бесполезен без второго.

– Скучала без меня?

– Ждала тебя.

Я несколько ошибался тогда, считая все, что происходило со мной, свою жизнь в то время всего лишь промежуточным состоянием, концом какой-то большой эпохи, и ожиданием прихода новой. Это и была новая, неповторимая эпоха, целый мир, одиночества, ожидания, мир человека из завтра. Каждый день я жил этим ощущением чего-то большого и счастливого, приближающегося ко мне. И каждый раз усталый и довольный, под ночь приходя домой, я мечтал, читал чужие книги и был действительно счастлив. А когда эта эпоха закончилась, оказалось, что она длилась целых два года.

Я часто вспоминаю себя в то время. Хотя этот человек-вчера – это уже не я, совсем другой. Я наливаю кофе се-

бе в кружку, закрываю глаза и в темноте наблюдаю за ним. Я не претендую на его жизнь, на его страхи, на его переживания, я просто счастлив снова видеть его. Я не думаю о мелких неудачах и недоработках, которые были в его жизни, для меня он – идеальный образ стремлений к чему-то, пусть даже неведомому, пусть даже окутанному страхами и сомнениями. А главное – этот образ законченный. Я знаю все его мысли, все, о чем он думает, я знаю, какие вопросы терзают его: «Но если и правда неважно, сколько времени длится то или иное событие, если все кончается, если нет такой категории как время, чего боятся люди? Почему выбирают более простой путь?» Но все его мучительные размышления доставляют мне лишь огромное удовольствие, пусть даже окутанное грустью. Я знаю, какой путь выбрал его.

Глава 2

Миры пересекаются, и их сложная взаимосвязь путает нас, лишь только мы начинаем пытаться разобраться в этом и хоть как-то систематизировать. Но смею предположить, что наш разум способен распознать в их мерцающих очертаниях четкие рисунки судьбы. И проще всего нам справиться с давно прошедшими событиями, словно и правда галактика расширяется и сцепленные когда-то в сознании миры, созданные практически одновременно, по прошествии стольких лет так далеко разошлись друг от друга во вселенской тьме моей памяти. Теперь их разделяет так много пустоты. И теперь, смотря на них, я понимаю многие законы и принципы, ранее скрытые от меня. Но прежде чем говорить об этом, я хочу просто показать вам несколько таких миров, доказать вам их существование – конечно же вы не должны принимать все сказанное мною на веру. Я хочу, чтобы они так же как и для меня стали для вас неопровержимы и очевидны. Пусть не сразу и даже не за несколько часов, ибо я не предполагаю, что мой способ излагать события достаточно хорош, чтобы вы смогли прочитать за это время мою книгу, но хотя бы за несколько дней, так как по той же самой причине предположу, что растянув чтение на более длительный срок вы рискуете навсегда потерять нить, сплетенную не столько из рассуждений, сколько из ощущений и чувств, и связыва-

ющую эти миры между собой, а также со мной и с вами.

* * *

Театральный мир моей юности; отчего же мы все сначала примеряем на себя столько чужих ролей, чужих жизней, прежде чем заняться своей? А может, это тоже роль, просто она в отличие от всех остальных — главная?

Наблюдали ли вы когда-нибудь за часовой стрелкой? Хватало ли терпения заметить ее движение? Но она движется, ей-Богу движется. И разбитая бессонная ночь, казавшаяся бездонной пропастью, в которую мы падаем, сменяется ровным скомканным утром и бесцветным трудовым днем. И приходит вечер, клочками, словно тучи, собирающиеся за окном и проливающиеся на нас, бредущих домой, скромной благодатью.

Все движется. Наша жизнь еле заметно идет к весне, своими тайными тропами, скрытыми от наших глаз. Нам остается только догадываться о том, что это за путь, всматриваясь в темное окно.

Так идет наша судьба от недоверия и непонимания до любви к нам. Так идет женщина тайными тропами своих мыслей: загадочные лабиринты сомнений, прекрасные как видения тихие долины мечтаний, опаснейшие темные пещеры предчувствий; манящий, как вершины гор, что спрятались в облаках соблазн, и осыпающиеся в пропасть камнями

горные серпантины предубеждений.

Разве тебе доступен этот путь? Разве можешь ты хоть что-то сказать о нем, если ни единая черта ее лица, ни единый вздох – ничто не выдает его? Где она на самом деле сейчас своими мыслями, своими чувствами, когда просто так рассказывает о пустяках тебе в этой пыльной кофейне? Как найти, догнать ее на этом пути?

Лишь жди и удивляйся тому, как неожиданно она меняет безразличие и не веселость на благосклонность, на увлеченность и дальше. Лишь сочувствуй, лишь разгоняй еще оставшиеся облака ее грусти своими высказываниями и гадай, бойся, представляй, куда выведет ее следующий поворот в этом тайном путешествии.

Что произойдет? Будешь ли ты рядом? Будет ли это поворот с огромной полноводной улицы в тихий переулок, столь знакомый тебе и ни разу не виденный ею? Или ты останешься один? Учиться искать тайные тропы.

Я смотрю в окно, на чернеющую снежную тьму, но я знаю и верю – что-то в ней изменилось, но что? Что-то произошло за этот тяжелый, бесплодный день, я вглядываюсь, здесь должен быть какой-то знак, какая-то маленькая черточка, какой-то штрих, что-то выдающее уже близкую весну. И в сугробах и завалах моих ощущений и усталости тоже что-то изменилось, и очень скоро они растают совсем. И часовая стрелка недвижима, но я знаю, что стоит мне отвернуться, перестать смотреть на нее, и она неминуемо совершит еще

часть оборота и будет десять, и совсем догорит, словно сажой покрывающийся, чернеющий вечер, и все начнется. И я даже боюсь опоздать, и боюсь отвести от этого зияющего полутьмой циферблата свой взгляд.

* * *

Занавес! Приглушенный свет. Полутьма комнаты. Амфитеатром светящихся огней выстроились за окном дома. Жадные до зрелищ чужие глаза.словно огромный зал заполняется. Еще одна роль на сегодня, с каким удовольствием я бы стал и сам уже зрителем, но еще одна роль на сегодня, вечерняя, полуночная, после всей этой дневной суеты, отвратительно сыгранной и не оставившей никакой удовлетворенности.

И моя маленькая комната, что я снимаю уже одиннадцатый месяц – гримерка, где я беспрерывно готовлюсь к своим спектаклям, случайным и неожиданным жизням, что мне подкидывает судьба. Удел всех молодых актеров? Проверка на прочность? В ожидании настоящих ролей, подлинной жизни, собственного счастья и истинной любви. Великие актеры всегда играют одну и ту же роль, играют себя. Молодые же ищут себя, примеряя чужие роли, чужие судьбы. Но как найти в изначально чужом себя? Кто же здесь я? Все чужое: декорации, слова, мысли, слава, деньги, чужие машины, чужие интересы, чужие желания, чужие женщины – как я устал

от этого.

Нетронутый чай в кружке остыл, так остывают наши желания и кажутся бесполезными, и не хочется к ним прикасаться. И не хотелось уже никуда ехать. Я пытался вспомнить слова, что собирался сказать тебе. Все больше огней, все темнее ночь.

Джазовый оркестр по радио играл какую-то отвлеченную несуразную музыку, словно тоже еще только настраивался, словно никто еще не должен был этого слышать. Ничего общего с сегодняшним представлением, с нашей с тобой встречей, судьбоносной, опасной, определяющей.

Но это скорее не от неготовности, а от желания сократить ожидание, заглушить его, отпугнуть. Мое смятение чуть громче, чем эта музыка, даже с вывернутой на максимум ручкой радиоприемника. Но невозможно что-то поделать с этим, все готово, уже все готово. И я представляю, как выглядит центр этого города перед нашей премьерой. Дорогие автомобили останавливаются под золоченым светом зимних фонарей. Шикарно одетые дамы выходят, принимают протянутые ладонями вверх мужские руки. Они ждут волшебства. Ночного волшебства. Они чувствуют вкус вина, чувствуют вкус вечера, вкус любви, они чувствуют, что воздух дрожит, словно весь их мир заключен в центр огромной дышащей скрипки, и все это – неспроста, и каждое дуновение ветра готово раздаться музыкой. Они чувствуют – что-то происходит за пределами их мира, какое-то движение. И они ждут,

что кто-то возьмет эту скрипку и сыграет на ней что-то прекрасное.

И где-то в другой части города, в такой же маленькой комнате готовишься Ты. Уже превратилась ли в настоящую принцессу? Или еще нет? Уже захвачена своей сегодняшней ролью? Или еще в плену у обыденной жизни? Первое свидание. Наш совместный спектакль. Совершенно незнакомая, чужая для меня. Ничего о тебе настоящей не знаю. Но знаю наизусть ту, которую ты будешь играть. Знаю твою роль не хуже своей. Все слова, реплики, жесты. И я думаю, ты также знаешь мои. Мы готовы. Сколько репетиций, сколько подобных встреч было уже у тебя и у меня? О чем волноваться?

Я посмотрел на часы, двадцать минут до выхода. Утюг выпускал пар и плавно скользил по гладильной доске: черный глянец новых брюк. Стрелки все не хотели получаться, убежали в сторону, и приходилось еще раз переглаживать. Слегка порезал щеку бритвой, и тончайшая красная прямая линия проступила сквозь белую пену.

Мелкая снежная штриховка с силой падавшего снега. Разделительная линия на грязном асфальтовом полотне. Параллельные линии электрических проводов. Не помню, как доехал, казалось, что троллейбус блуждает в светящемся лабиринте стеклянных ночных витрин. Я видел свой силуэт, отражение, я чувствовал свою усталость, слабость, несовершенство. И было странно, что мне предстоит с этим расстаться через какое-то мгновение. Сбросить, как верхнюю улич-

ную одежду. Бросить все и стать кем-то другим, совсем другим в твоих глазах. Интересно, что чувствуешь сейчас ты, когда едешь ко мне? Конечно, ты умеешь бесподобно играть эту роль и будешь идеальна, но узнаю ли я когда-нибудь тебя настоящую? Хочу ли я этого? И уж точно не хочу, чтобы ты узнала настоящего меня. Не хочу, чтобы я настоящий, такой, как сейчас в этом троллейбусе, усталый и измученный, смущался и не знал, что ответить тебе. У меня есть для тебя что-то лучше. Я сейчас попытаюсь все это собрать воедино. Собраться и стать им. Я сейчас вспомню свои слова, свою роль. А после того, как все закончится, отвезу почти спящую к Тебе домой и поцелую на прощание, и все; после всех страстей, что разыгрывались между теми, кого мы зачем-то играли на сцене нашей жизни, лишь единственный поцелуй, единственное соприкосновение нас настоящих, двух незнакомых людей, вызовут странный шок и дрожь, и смущение. Лишь на мгновение я почувствую тебя настоящую. Но я отвернусь, чтобы не смотреть на тебя, неприкрытую твоею игрою, и быстрее отправлюсь назад, к себе, я ничего не видел, тебе не надо будет стесняться своей слабости при следующей нашей встрече.

* * *

Несколько минут ушло на то, чтобы осознать, где я нахожусь. Что же, все актеры начинали с игры во второсортных

ресторанчиках и провинциальных клубах, мне нечего стыдиться. И я уже зашел на территорию одного из них, нашего с тобой на этот вечер. Не занавес, но стеклянные двери, раскрытые официантом, да маленький столик в углу. Началось, тишина, тише, вы меня не знаете, я уже кто-то другой.

Я почти не помнил, как ты выглядишь, лишь раз видел до этого. Ресторан, в котором мы договорились встретиться, располагался на первом этаже небольшого отеля. Словно по команде сбежали постояльцы вниз, как от пожара, обожженные вечерними огнями улиц, что увидели в свои окна. Столпотворение, почти паника. Разговор на множестве языков. Волнующий танец под жгучую музыку, задуманный неизвестным режиссером. Я не двигаюсь. Зрители, наверное, пытаются угадать, кто из них ты? Я боюсь, что мало чем в этом способен им помочь. Музыка стихает. Туристы сбежали прочь и снова почти полупустой холл. И опять тишина. И тебя все еще нет.

Я не помню, как ты выглядишь, и ты можешь легко воспользоваться этим, ты можешь стать кем угодно, выбрать любую роль. Ты можешь оказаться скромной застенчивой девушкой, любящей смотреть на звезды и опьяненной своей собственной смелостью, тем, что отважилась появиться здесь, прийти ко мне. И это будет легкая мелодраматичная любовная история с разочарованием и взрослением, может быть, со слезами. Можешь быть распутной женщиной, использовавшей меня для того, чтобы отдохнуть от своей обы-

денной жизни, и это будет грязная история, и если в конце ее появится твой муж, все станет совсем уж примитивно и невыносимо. Я даже не знаю, зачем придумывают такие истории, которые потом пересказываются между друзьями со всеми подробностями и частностями, ибо в общих словах звучат слишком уж обидно и грубо для их участников. Ты можешь стать прекрасной принцессой, спустившейся в своем великолепии на мгновение со своей высоты, чтобы прикоснуться к такой неведомой тебе обычной жизни. Она кажется настоящим чудом тебе, почти таким же, как твое драгоценное свечение для меня, это могло бы быть подлинным искусством, я бы подарил тебе ощущение настоящей жизни, а ты бы мне так не хватающее чувство полета. Ты могла бы быть совсем молодым, только что распутившимся цветком, с прекрасными, беззащитными лепестками. И я бы ломал себе голову, как мне сохранить их, как сберечь их и от ветра, и от холода, и от горя, и от одинокой глухой ночи, и в то же время от своих собственных тяжелых прикосновений, что могут смять, раздавить твою хрупкую красоту.

Ты опаздывала, и я грел в своих руках бокал с вином, а оно согревало в свою очередь меня. Самодостаточная система. Я был бы не против, если бы ты вообще не пришла, такой спокойный вечерний спектакль об одиночестве, об истинных ценностях, о вечернем счастье, об ожидании. О том, как две судьбы, лишь чуть-чуть соприкоснувшись, разминут-

лись навсегда. О том, что надо искать дальше, надо искать дальше, не сдаваясь. И нельзя себя обманывать, надо быть честным перед собой. И все эти глупые сцены, пошлые и банальные ничего не стоят. Все это ненастоящее и чужое. В конце концов, наше драгоценное Одиночество в тысячи раз дороже, чем все эти бесполезные встречи. И ради чего, зачем его разменивать на эту мелочь? И зрители бы после спектакля плелись по улочкам домой, вспоминая эти заключительные слова моего героя, неся мой драгоценный хрупкий подарок, что может разбиться от каждого неверного шага, от каждого громкого слова: чувство успокоения, чувство жизни, прекрасное ощущение жизни.

Шепот, ворох аплодисментов от твоего выхода.

Что же, ты идешь прямо ко мне? Это ты. Невозможно было ни с кем спутать. И в то же время ничего общего с тем тусклым воспоминанием, что таилось во мне. Потрясающее перевоплощение. Угрожающе прекрасна. Зал притаился в тишине.

Официант проводил тебя ко мне и помог сесть, пододвинув изящный стул.

– Рада, что Ты уже здесь.

– Я тоже рад, что Я сейчас здесь.

Эта пауза, этот затаившийся судьбоносный вздох. Я вспоминаю заученные, заготовленные слова, десятки раз произносимые мною с другими, и боюсь их повторить – абсолютно не уместны, не отсюда, не подходят.

Настоящее ли это вино? Настоящее ли в этих спектаклях вино? Или бутафория? Ты держишь бокал, пьешь. Медленно. Огромная пауза затянулась и рискует оборваться негодованием зала, все больше напряжение и все дальше от сценария. Пора возвращаться. Уже пора.

Я смотрю в твои глаза – что-то не так. Я смотрю в твои глаза – пора, дальше, по плану: взять твою руку и сказать какую-нибудь банальную фразу: «Ты так красива сегодня» или что-то еще похожее. Я потянулся к тебе – прикосновение, словно током, словно холодом. Ты отдернула руку и промолчала. Что-то не так. Зал зашептал. Ты же должна подыгрывать мне, лукаво улыбаться каждой глупой шутке, прописанной автором?

Я смотрю на твой идеальный грим, на твою белую кожу, на твою благородную осанку, на твое лицо и понимаю, что я спутал спектакль, я не знаю роль. Словно суфлер, пытаюсь помочь мне, отчаянно стучит сердце, холодная дрожь. Кто же я? Я вижу тебя, но кто же здесь я? И кто ты? Подскажи хоть жестом, хоть намеком, спаси.

Ты, снисходительно улыбаясь самым кончиком губ, ждешь меня, даешь мне время.

И пауза тянется все дольше. Полчаса, час – и я пытаюсь заполнить ее глупыми фразами и никчемными расспросами. Я смотрю на тебя и пытаюсь прочитать по губам, но ничего – лишь немая лукавая улыбка. Что-то кричит мне сердце, но я не понимаю ни слова.

Я шут? Я твой любовник? Слуга? Властитель? Помощник? Убийца? Кто я в твоих глазах? И что будет дальше? Я пытаюсь разглядеть. Я не знаю. Я забыл свою роль. Я не знаю, кто ты, не знаю кто я.

Ты неожиданно рассмеялась и сказала затейливым тоном.

– Меня, наверное, уже ищут. Я никому ничего не сказала. Получается, ты похитил меня?

– Еще можешь вернуть, пока не поздно. Если боишься, – продолжала ты, неуверенная, что мне хватило первой подсказки, но уже лишнее. Надо бежать. И незачем быть здесь нам, моя принцесса. Нельзя больше оставаться ни минуты. Выкрасть. Такой брильянт, как ты. Спрятать в безопасности, в темноте моего убежища, как ослепительно ты будешь сверкать там.

* * *

Бутафорская жизнь: и вино не пьянит, и любовь не может согреть, и счастье не смеется беззаботно, а тяжело и устало вздыхает. Я разыграю похищение. Ты разыграешь удивление. Ты подаришь мне чуть-чуть своей неприступности, опасности, а я тебе – немного счастья, страсти. Насколько мы сможем это сыграть.

Давай сыграем эту ложь, как ее все называют. Конечно, никто не будет нас искать, и нельзя выкрасть то, что ничье. Ты одна в этом городе, и стрелки часов для тебя не несут

никаких обязательств, лишь грусть, скуку. И ты сама этого хочешь больше меня, и именно оттого что никто не ждет. Но можно я тебя выкраду из этого пошлого смысла, из этой жизни? Будь принцессой, будь той, кем тебе хочется быть, тем, к чему ты так стремилась, я помогу тебе. Пусть ложь. Но ты дрожишь от ее прикосновения. И сотни раз сыграв ее, все же веришь ей. Пусть – похищение. Пусть. Смотри, звездное небо притаилось. Зрители ждут. Как страшно нырнуть в холодный омут этой ночи. В снежную полуночную бурю. Ты чувствуешь, как тьма окружает тебя, как тысячи глаз смотрят на тебя? Что они ждут? И как ты поступишь? Пойдешь со мной?

Тишина застыла омутом. Кругами разошелся в нем и канул в небытие звон мелких монет, брошенных официанту на чай. Глубина его неизмерима. Но мы бросились в него и побежали к выходу через весь зал, и даже шквал, рев аплодисментов не смог догнать нас – словно вороны, вспугнутые нашим поступком, взметнулись к самому потолку зала и долго еще боялись опуститься на свои места. Мы побежали, на ходу надевая верхнюю одежду, распахнув двери плечом, держась за руки, в ледяной ночной холод. Прыгнув в черную глубину притормозившей у входа машины, вжавшись в ее тьму и не глядя по сторонам, умчались прочь. Тише. Молчи. Никто не догонит нас. Я держал тебя уверенно и с силой, и ты в безысходности расслабилась и успокоилась. Никуда тебе не деться. Похищение. Из обыденной жизни, из обыден-

ного вечера.

* * *

Обычное рядовое представление. Впрочем, совсем уж дешёвые романы обычно заканчиваются чуть раньше и не заходят так далеко – но и нам дальше некуда идти. Пустота утреннего неба и грусть. И, кажется, сейчас самое время опускать занавес. Самое время. Не этого ли мы безмолвно и неподвижно ждем с тобой? Чувство пустоты. Я понял смысл этого спектакля. Я понял, что именно мы играли.

– Пустота.

– Да брось ты, позвони, если хочешь, все было хорошо.

– Подожди.

– Я спешу.

– Ты даже не позавтракала. Ты голодна, хоть эту пустоту ты чувствуешь?

Пустой холодильник. Зерна кофе. Звезда вчерашнего представления, принцесса – теперь ест черный хлеб в закулисье моей жизни и довольна этим. И мы опять обычные люди и совсем не знаем друг друга такими. Словно только здесь и увиделись впервые, неожиданно столкнувшись этим утром на моей холодной кухне.

* * *

Но ты – и, правда, звезда на этом пустынном небе. Путеводная. Ты даже и не догадываешься, что кто-то может сверять свой путь по тебе, ты лишь слегка рдеешь в смущении, но твой свет, твоё тепло – я чувствую их. Как это возможно?

* * *

И вот опять очередной вечер, тьма, и я огибаю чернеющий айсберг высотного дома, и жалобно воет ветер. Но я чувствую вдали – твой свет, твою звезду, и она ведет меня через эти зимние дворы, ведет через весь этот город. Ведет через тьму к нашей новой встрече.

И был ещё один вечер. Ещё один спектакль. И было легко повторить. Опять тишина и напряжение зала. И тёплое вино. И ты ждала моих слов и уже не подсказывала мне. И я сам уверенно говорил тебе:

– Я тебе украду ото всех. Никто нас не догонит, не найдет в этой ночи.

И мы хватались за руки и вновь бежали, что есть сил, быстрее, радостные, прочь, и, казалось, шквал аплодисментов накрывал нас. И черная машина ждала у подъезда, и мы прыгали в её тьму. И ещё один вечер, и неделя, две, месяц –

неизменный успех. Мы были безумно счастливы и опьянены этим успехом.

Та, что пришла тебе на смену, совсем по-другому выговаривала слова. Она меньше подходила на эту роль. Но спектакль продолжался, такова жизнь. И я играл эту ночь вновь и вновь, эти звезды, и распахивалась тьма машины, и я забывал, кто я настоящий, и сердце билось тысячью аплодисментов.

Но ведь и ты продолжала играть в эту жизнь, и кто-то подыгрывал твоему таланту вместо меня, кто-то пришел на смену и мне. Я не знаю, кто. Возможно, он был лучше меня и никогда не забывал своего текста. Я надеюсь, я уверен, что тебе всегда сопутствовал успех, и было много новых ролей, главных, блистательных, ты разбогатела и обрела подлинную славу. Ты достойна этого. Ты лучше всех играла эту роль.

Глава 3

Миры. Первые ощущения их существования, подозрения, приходят к нам с первыми потерями. Когда из нашей, казалось бы, полной и неделимой жизни, вдруг мерцающими звездами выпадают прекрасные и завершенные сюжеты. Ты обнаруживаешь их в своей памяти, случайно, и тебя восхищает их законченность и красота. Ты играешь с ними, словно с прекрасными бриллиантами, переливающимися под светом воспоминаний. Ты удивляешься их красоте, тому, что они были твоими, что были созданы тобой, но ледяным холодом тебя остужает, вызывает страх осознание их недоступности, их чуждости. Ты вдруг понимаешь, что потерял их давным-давно, навсегда, что не можешь их вернуть. Украсть? Но это невозможно. Эти миры, бриллианты, потеряны навсегда. Подарены ли кому-то, близкому или далекому, отданы ли за бесценок – вернуть их невозможно.

Мы терзаем и виним себя за то, что потеряли их и, зная лишь единственную дорогу к ним, снова и снова продираемся через наши воспоминания.

Но почему нам просто не принять это открытие как великий праздник, и само существование этих миров как признак того, что мы больше не бесплодны, что мы можем создать что-то завершенное, что-то прекрасное. Разве то, что наше создание настолько совершенно, что больше не нужда-

ется в нас, может омрачить этот праздник?

Но это так сложно и вряд ли по силам настолько молодому человеку, каким я был тогда, до смерти напуганному осознанием того, что все, что у него есть, было дано взамен, и он, не подумав, просто так, обменял драгоценности своего детства, прекрасные, сказочные, яркие миры на новый, незаполненный ничем, пустой мир этой съемной одинокой комнаты, даже не подозревая, что лишается их навсегда. И обмен не провести вспять, не найти того, кто забрал себе все эти сокровища. И я думал, что был обманут, бесчестно обманут, и винил себя в этом, осознавая, что за все, что мне дадут впредь, также придется платить, и был уже вполне готов обменять доставшиеся мне развалины, недостроенный мир, практически на что угодно, но понимал, что никто много не даст мне за него и вряд ли получится, не достроив, не доделав, обменять его на другой, лучший мир, разве что обманув кого-то, но этого мне совсем не хотелось.

* * *

Как надоело мне все это, столько проблем, вопросов, моя сущность рассеяна на тысячи частей. Все, что есть в этом городе, цепляется, путается с моей судьбой, что-то требует от меня. Надоело.

– Побыстрее на посадке, – попросил уставший голос. Закрылись двери, и вечерний троллейбус плавно заскользил по

зимним улицам. Каждый новый день он, неуступчивый оппонент в споре, уверенно отвозит сомневающегося меня куда-то, куда мне совсем не хочется, но не переспорить его, не найти аргументов, ведь простого «не хочу» недостаточно, так нас учили.

Все эти пьяные пассажиры, ругающиеся с кондукторами. С ненавистью кричащие друг на друга среднего возраста пары, с презрением и вслух припоминающие друг другу все недостатки и недочеты текущего дня. Потом они замолкают и едут дальше, вместе, в свой безрадостный дом, что с опаской ждет их в темноте и нищете, видимо «не люблю» тоже не достаточно в этом мире. Надеюсь, что окажется достаточным: «люблю», «мечтаю», «хочу». Как бы я хотел проверить. Но что я хочу? О чем мечтаю? Что я люблю? Так я и ехал, мысли бессвязно сменялись одна за другой. В промороженном окне быстро мелькали улицы, огни автомобилей, магазины, я почти засыпал, мне мерещились странные очертания каких-то далеких желаний, мечтаний, страхов. И все это оседало снежным настом в моем сознании, заносило меня с головою, так что было даже не пошевелиться, я постепенно согревался, но ехать было еще очень долго, казалось, что бесконечно.

Все это я, это и есть я, странный сгусток воли, проблеск сознания, объединяющий в некий клубок бессмысленный хаос этого мира. Небольшой ураган, налетевший на этот несчастный город и поднявший в небо, на метр восемьдесят

от земли безжизненный мусор и все, что только попало ему на пути.

Все это я, это и есть я, как бы ни было противно, только из этого сора и состою, из работы, скандалов, обязанностей, встреч с друзьями, случайных знакомств, страха опоздать, попыток найти ее.

Каждое подобное путешествие и каждый из моих дней казались мне бесконечными, или я просто не замечал, как они, завершившись, сменялись новыми, в точности такими же. Мой скучающий дом с надеждой и нетерпением ждал меня до позднего вечера, все еще помня нашу с ним былую тихую счастливую жизнь. Он еще не совсем осознал те перемены, что происходили со мной, я и сам не до конца все это понимал, но мне уже было не до него. Этот город поглощал меня, вращал в меня каждой улицей, каждым зданием, каждым днем. Запутывал, связывал меня, и казалось, что уже не вырваться: духовные связи, деловые связи, порочные связи, родственные связи, дружеские связи, связи обязательств.

Я удивился, как легко и неожиданно в один из дней отсекла их все заdraившаяся дверь самолета. Так просто и бесцеремонно она остановила целую толпу моих обязательств, мыслей и проблем, до последнего преследовавших и провожавших меня, советующих что-то. «Провожających не пускаем», – и все мое прошлое, тысячи вариантов придуманного будущего, все, что мучило меня и не давало покоя в этом городе – исчезло. Весь этот шум затих, и я остался наедине с

самим собой, лишь легкая дорожная сумка в руках, в которой и так много всего лишнего. Больше ничего у меня нет.

– Приветствуем вас на борту комфортабельного авиалайнера. Наше путешествие по маршруту «холодный, старый безжизненный город» – «сказочный и волшебный южный остров» будет проходить на высоте 10000 метров над уровнем кристально чистого голубого моря.

Свобода – казалось, что я в первый раз увидел ее. Прекрасная незнакомка, она сама нашла меня, немного испуганного и расстроенного, обняла своими нежными руками, шептала мне о прекрасном будущем, о чудесных островах, я влюбился в нее. Сразу. Впервые. Я дышал ею. Мне казалось, что она состоит из того же прохладного пара, воздуха, что и проплывающие облака в иллюминаторе. «Я всегда буду свободен», – повторялось у меня в голове. «Не обещай мне этого, это не в твоих силах быть всегда со мной...», «Я всегда буду свободен!», «Всегда буду чувствовать твою нежность, любить тебя, жить ради тебя!» «Я сделаю тебя несчастным. Я не должна. Забудь обо мне». Она поцеловала меня. И я, счастливый, заснул в ее объятьях. Она положила свою голову мне на плечо и прошептала: «Я люблю тебя».

Меня разбудило мягкое прикосновение. Симпатичная стюардесса дотронулась до моего плеча и вежливо улыбнулась, попросив пристегнуться: воздушные ямы. Никого не было рядом, я совсем один. Не сезон. Самолеты летают полупустые. Лишь какая-то пожилая пара через два ряда от меня,

уже пристегнувшись, смотрела в иллюминатор, и еще через кресло сидел средних лет человек. Больше никого нет. Все приснилось?

* * *

Как нас легко смутить, как мы просто сдаемся и отказываемся от самых очевидных воспоминаний, от мечтаний, от своего счастья, как много нам надо доказательств и как мало в нас веры, что никакие доказательства не помогут. Может, именно из-за этого мы прозябаем в духовной нищете, когда величайшие богатства встречаются нам на пути, но у нас не хватает смелости сделать их своими, просто поверить в них. Но это же настоящая жизнь, единственная и настоящая, как можно не верить в нее? Я ощущаю презрение к себе, когда понимаю, что опять усомнился. «Я всегда буду помнить тебя, верить в тебя, жить ради тебя!».

Мужчина с соседнего кресла в белом пиджаке, бледный, словно уже десять лет не видел солнца, с расстегнутыми верхними пуговицами на рубашке и пепельными короткими волосами позвал стюардессу.

– Виски.

Он выглядел странно, его глаза неестественно блестели. Он нервничал. Грел в руках принесенный симпатичной молоденькой стюардессой стакан, лишь прикасаясь к нему губами, даже не наклоняя его, вдыхая его запах и смотря в од-

ну точку перед собой.

– Что-нибудь вам принести? – неожиданно обратилась та же молоденькая стюардесса ко мне, в очередной раз проходя мимо наших мест.

– Горячий чай?

– Кончено, одну минуточку.

Я поставил чай на подставку в подлокотнике, пить его почему-то совсем не хотелось. Я думал о свободе, я искал в своей предыдущей жизни хоть какие-то ее следы, признаки существования. Я пытался вспомнить эти ощущения от ее слов и прикосновений. Неужели ее не было? Неужели ее нет? Все приснилось? Я чувствовал, словно теряю какие-то несметные сокровища, с каждой неправильной мыслью удаляюсь от них, теряю всё большие деньги, словно проигрываю в казино.

Чтобы хоть как-то отвлечься, не разориться до конца, уже лишившийся выигрыша, но еще не всех своих сбережений, я решил покинуть игру и подумать о чем-то другом, мой взгляд после долгого скитания по ничем не примечательным пассажирам опять привлек обладатель этого странного белого пиджака, так методично рассматривающий уже третий подряд стакан с виски. Он казался преступником, мне представлялось его опасное прошлое, бегство от властей, самолет, дарящий ему новую жизнь, забрав все, что было до этого – хорошего и плохого. Может, для кого-то кажущийся нечестным обмен, но для него – самый лучший вариант: бро-

сил прошлую жизнь, оставшись не только без вещей, но даже без имени, без всего. Оставил только свою сущность, все отдал в обмен на свободу. И лишь контрабандой, тайком, перевозящий с собой самые прекрасные воспоминания, именно в них он сейчас погружен. Опасность, побег – все эти мысли захватили меня. И мне опять везло, и я выигрывал снова и снова: «Я буду всегда с тобой, свободен». Хотя, может, он был простым клерком, убегающим на неделю от надоевшей монотонной однообразной работы и законной, но нежеланной жены, и в этом лишь весь его конфликт с законом, и как бы он ни боялся, вряд ли ему грозит хоть сколько-нибудь серьезное наказание. И даже не одиночная камера – самое страшное, что ему предстоит, в случае если его поймают, но одинокая комната в съемной квартире, впрочем, с правом на нечастых вечерних или ночных посетителей. Мне хотелось виски, и сердце радовалось и замирало, когда самолет крылом зачерпывал облака, но каждый раз он умудрялся не утонуть, не пойти ко дну, всплывал, и сердце опять билось, ожидая нового погружения. Через три часа полета он, наконец, нырнул в очередной беспросветный белый омут. Капитан объявил о посадке и попросил всех пристегнуться.

Еще через двадцать минут самолет мягко коснулся асфальтовой посадочной полосы и долго ехал по ней, пока не остановился. Молоденькая стюардесса с грустью вышла попрощаться с пассажирами, будет опять ждать, может, кто-нибудь ее спасет от этих бесконечных перелетов. Задраен-

ная дверь самолета медленно, со скрежетом открылась, впус- тив горячий южный вечер неизвестного мне нового мира и мое новое будущее, ждавшее меня у самого трапа. Я же чув- ствовал себя незнакомым дальним родственником, напро- сившимся на визит, и очень скромно, не зная, что ожидать, шагнул к нему навстречу. Люди, что прилетели со мной, словно играя в прятки, исчезли в холлах аэропорта. За ко- лоннами ли, в его коридорах – от своего будущего ли или от прошлого прячутся?

В любом случае они знают, что нужно делать, гораздо луч- ше меня и знают, куда идти и, может быть, и мне нужно было поверить в их опыт, и я так и рассчитывал сделать – после выхода из самолета пристроиться за кем-нибудь, знающим, чтобы он меня вывел прочь из незнакомого аэропорта, но образчика уже не найти, и вместо этого приходится на ощупь искать выход. Не прятаться, а, наоборот, притягивать к себе лишнее внимание своим вопросительным неправильным ан- глийскими и многочисленными, многократно повторяющи- мися передвижениями.

Но вот какой-то сжалившийся сотрудник аэропорта все- таки показал мне выход. И я, вырвавшийся из плена холод- ного северного города и перелетевший через океан, память о чем, несмотря на многочисленные блуждания по местному аэропорту, все-таки сохранилась, спокойно ждал, пока угрю- мый таможенник рассмотрит мои документы и откроет пере- до мной стеклянную дверь в этот незнакомый мне мир. Но-

вое будущее было рядом, оно дергало меня за руку, торопилось, ему не терпелось показать мне город, отель, рассказать все, выпить вина, познакомить со всеми, оно было совсем не такое скромное, как я.

– Давай быстрее, господи, нас столько всего ждет там! – кричало оно мне.

– Смотри, интересно, она в наш автобус? – одобрительно отзывалось оно об очередной прилетевшей на отдых красавице.

* * *

Туристическое путешествие на южный остров. Всего 7 дней, эконом класс, в турфирме говорили, что будет мало времени, ничего не успеешь посмотреть, предлагали скидки. Я тоже так думал, боялся, завидовал, жалел. Семь южных дней оказались целой жизнью – огромный, бесконечный и божественный мир, созданный мною. Он и сейчас существует, словно какая-то часть моего сознания просрочила визы, нарушила все законы, спряталась, бросила все и осталась навсегда в нем.

Здесь все постоянно, и завтрашний день похож на вчерашний, но яркие южные звезды никогда не перестают удивлять и восхищать, это один из бесконечных и безмерных источников вдохновения, как море, как твоя единственная женщина, которую безумно сложно найти. Бриллианты звезд са-

мыми сокровенными желаниями, спелыми яблоками падают нам под ноги, и мы лишь любуемся ими, не подходя слишком близко, у нас здесь и так все есть, мы все нашли, а что-то новое может потребовать от нас отказаться от чего-то уже имеющегося. Мы видим свое отражение в утреннем море, и впервые за многие годы оно нам нравится, нам не за что упрекать себя, не о чем жаловаться и нечего жалеть.

Они слишком хороши для нас, эти миры, признаю, и нам приходится быть идеальнее, лучше, чем мы на самом деле есть, и это отражение – не совсем мы, и прекрасные истории, происходящие здесь, тоже не совсем наши. Но если мы можем быть лучше, чище, свободнее, чем бываем обычно, может быть, мы на самом деле такие и есть? И случайный проблеск на пыльной дороге – настоящая золотая монета, и яркий секундный просвет в облачном небе – настоящее солнце?

Божественные, идеальные миры, полные бриллиантовых звезд и счастья.

* * *

Они ожидают волну, затаившись, медленно подплывают к ней, и когда вода со всей силы подбрасывает их, вздымаясь вверх, уже ничего не остается, кроме как вскочить и нестись со всей скоростью, прочь, пытаясь удержаться, устоять на своей доске для серфинга. Волна словно огром-

ное морское чудовище, лениво сбрасывающее в очередной раз забравшихся на его хребет назойливых людей. Отогнало прочь и успокоилось на время. Самое популярное увлечение на здешних пляжах, не считая, конечно, мирного возлежания в объятиях раскаленного солнца на деревянных шезлонгах и бесполезного созерцания, чем я и был занят уже второй час подряд.

– Яблочный чай! – пытается привлечь внимание расслабленно загорающих на пляже услужливый официант. Я на мгновение перевел взгляд на этого пожилого араба, осознал его предложение и поднял руку.

– Мне, пожалуйста! – больше это предложение на пляже никого не заинтересовало. Старик принес горячую кружку, освежающий аромат, но так жарко, что пробовать как-то не хотелось, поставил нетронутую, на столик рядом с лежаком.

Покорители морских чудовищ поджидали очередную приближающуюся волну.

Мысли путались. Но все же я думал. Думал, что иногда это единственный способ что-то изменить в нашей жизни, когда уже не остается никаких сил и невозможно больше выносить штиль – превозмочь страх и забраться на вздымающуюся волну судьбы, и если она тебя не разобьет о камни, то непременно вынесет в новый мир. Полуправда. Ведь чтобы началась новая жизнь, должна закончиться старая, и для того, чтобы переродиться, волна, жизненный шторм должны вначале разбить тебя о камни, вдребезги, это вызывает

нестерпимую боль, но после приносит свободу. Это наша последняя защита перед абсурдностью реальности. Когда реальность становится невыносимой, закрой глаза, почувствуй этот шум надвигающейся бурлящей, огромной волны, этот соблазн броситься в руки неминуемых диких перемен, катастроф, которые с болью и огромной силой перенесут тебя в другую жизнь, одарят своими сокровищами, спасут и спрячут ото всех. Бросить работу или выйти на встречу преследующим, уехать прочь, рассмеяться в лицо, оставить навсегда.

Раздался громкий смех, и волна с силой выплюнула в прибрежный песок юного серфингиста и совсем в другую сторону – его доску. Здесь, на этом острове каждый может попробовать оседлать судьбу за 10 долларов в час, не боясь хоть как-то пострадать. Безопасно.

Вначале соленая вода с болью разъедает даже закрытые глаза, она везде: льется из душа, плещется в бассейне и даже продается в бутылках – в минеральном своем виде. Боги виноделия, боги плотской любви, боги роскоши и боги созерцания, боги водных игр и боги разгадывания кроссвордов, боги соблазнитель и искушители, боги покорители морских просторов на белых яхтах и боги покорители водных глубин, богини красоты, в облегающих белоснежных шортах, поверх откровенных купальников, что смеясь и радостно смотрят на меня из-под козырьков своих кепок. Вы когда-нибудь задумывались, чему бы посвятили свою жизнь, если бы не существовало необходимости тяжело работать, проводить боль-

шую часть дня в своих офисах? Если бы ваша жизнь была лишена этого трудового пути, где и как бы вы искали себе место? Чего бы вы добивались? К чему стремились? Что создавали бы? И что разрушали? Массовый слет богов, молодых и старых, всемогущих и всесильных, превративший это захолустье из ничего, из пустоты, из бывшей нищей рыбацкой деревни в Олимп, в рай.

И хлеб разделили на всех, и вино никогда не кончится. Чем отличался страдающий Иисус от радостных вечно-молодых античных богов с их пирами и волшебными историями, скорее красивыми, чем поучительными? Только тем, что был среди людей, а не среди себе равных и подобных, абсолютно один, среди наших страхов, горя и грязи. Пытаясь спасти и помочь. Вынужденный что-то объяснять, чему-то учить, быть кумиром. Как бы он отдохнул, попав на этот божественный античный остров, к своим. Пригубил бы вино и беззаботно слушал разговоры и, наконец, дал отдохнуть своему изможденному телу. Купил бы кроссворды, смотрел по ночам на звезды, а днем загорал на белоснежной яхте. И, может быть, в скором времени мы бы услышали новую прекрасную историю о божественной любви или героических подвигах.

О, эти божественные античные истории, что уже тысячи лет разыгрываются на этом острове: без поучений, без морали. Увлеченные красотой сюжета и движением подогретой на солнце крови: здесь клянутся жизнью, ныряют в спящее

море, чтобы достать драгоценности для своей любви, ищут подвиги, бросаются в огни ночного города. Но все приходится делать самим, судьба не властна над богами и не трогает их, приходится брать на себя ее функции, иначе вся жизнь превратится в безмятежное лежание на пляже. И вот ты смотришь на прохожих и выискиваешь героиню для своего нового романа – свое счастье. Я учился быть богом.

Я оделся и решил отправиться в город, лежать здесь больше не хотелось, яблочный чай так и не тронут, хочется найти какое-нибудь тихое место, перекусить и выпить вина.

Удивительно, но иногда счастье ходит с нами по одним дорогам – вот оно прошло по мощенной маленькой улочке, настолько маленькой, что солнечным лучам было почти не пролезть между домами. Она прошла навстречу: странные семьи, ей уже около двадцати, но она отдыхает вместе с родителями. Я смотрел на нее, я мог так просто изменить ее судьбу. Вот они идут, разглядывая витрины маленьких магазинчиков, разглядывая прохожих, разглядывая меня, ее глаза задержались на мне.

* * *

Вкус вина был не слишком притягателен, но все же.

– Еще бокал.

Араб-официант взял из моих рук смятую бумажку, предугадывая, какая ее часть перепадет ему и, улыбнувшись, по-

бежал к барной стойке выполнять заказ.

Я думал насчет выбора, как должно быть сложно, будучи всемогущим, имея тысячи возможностей, выбрать всего лишь одну. Бесконечное количество сюжетов, я могу реализовать каждый из них, любой, но какой именно? Сколько уже богов запуталось и растеряло свои силы в ложных возможностях, в не тех войнах, не тех подвигах, не тех целях. Чем больше сил – тем труднее. Это огромная ловушка для богов и героев. Чем одно вино отличается от другого, один путь от другого. Одна женщина от другой: тащить с собой гарем женщин, гарем возможностей, гарем целей?

Араб принес бокал. Я пригубил его, вкус показался лучшим, а может, просто я уже был немного пьян.

– Спасибо, друг, – я вернул ему принесенную мне сдачу.

Время обеда, праздные, беспечные, безумно увлечённые своей божественной скукой люди занимали места за столиками открытой террасы на самом пляже. Я смотрел на море, на полуобнаженные тела, красивые и уродливые, впрочем, одинаково интересные и притягивающие взгляд, ждал свой обед, один за этим маленьким столиком.

Счастье ходит с нами по одним улицам, оно даже обедает в нашем же ресторане, за соседним столиком. Пьет коктейль со льдом, делит со своей подругой огромную пиццу, беседует на английском, судя по всему выигравшей считается та, которой достанется меньшая часть, посматривает по сторонам, ловя быстро отводящиеся взгляды, улыбаясь более смелым

и решительным. Ее улыбка – достойная награда и за более отважные подвиги.

– Давайте я ее съем, – смех это уже хорошо, даже если его вызвал мой английский, а не само предложение.

– Откуда вы? – этот мой вопрос был встречен без смеха, что несколько оправдывало английский.

– Из вон того отеля, – показала Она пальчиком на возвышающееся в метрах ста от пляжа здание.

– Что же, тогда моя родина намного дальше.

После обеда я попрощался с девушками и пошел в свой отель. В ту сторону, в которую они показали пальчиком, мимо многоэтажного конуса пятизвездочного гиганта, какой-то номер сейчас точно пустует, они еще остались в кафе. Еще чуть дальше, и я дошел до своего двухэтажного приюта с бирюзовым бассейном, пытающимся ласкать ноги проходящих мимо постояльцев, льстить им, разрываясь, словно смехом, своими брызгами. Несколько пенсионеров отдыхали на лежаках, расставленных вдоль его береговой линии, пойманы, обездвижены, словно мухи в жаркий день на липкой ленте, они привыкли. Зачем им огромное море? Некоторые даже и не доходят до него за все время отдыха. Некоторые не доходят до любви за всю жизнь, некоторые не доходят до своих желаний, до самых заветных мечтаний.

– 209, – сказал я у стойки в холле отеля, скучающая пожилая служащая вздрогнула и поднялась со стула.

– 209, – она провела пальцем по стене, на которой выве-

шивались ключи, выбрала нужный и протянула мне.

Второй этаж, на этот раз дверь открылась сразу, уже при-
выкла к моим рукам. Я снял рубашку и бросил на постель.
Зашел в душ. Вода уже не казалась столь соленой, холод-
ная, остужала мои мысли и успокаивала тело. Морская вода
здесь кажется очеловеченной, одомашненной, теплее, шум
волн превратился наедине в шепот, неприступность и сила –
в робкие прикосновения, но все же это она и суть ее не пре-
терпела изменений, лишь на мгновение может удержать мое
отражение, но после – разлетается тысячью брызг о мрамор-
ный пол ванной и, смеясь, искрится своей радостной бирю-
зой, заливая все вокруг и сразу же забывая меня, торопится
быстрее прочь, назад к морю, к кому-то еще, без прощания.

Выйдя из душа, надел шорты, налил себе холодного апель-
синового сока, открыл стеклянную дверь балкона и ступил
на него.

Здесь счастье ходит с нами по одним улицам, обедает в
одних кафе и даже, скучая, сидит на соседнем балконе, смот-
рит на нас, удивленное, и ждет. Соседний балкон так близ-
ко, что можно просто перешагнуть, В легком летнем платье
юная красавица с мокрыми золотистыми волосами, спуска-
ющимися на загорелые обнаженные плечи, смотрит на ме-
ня, улыбается, словно уже знает, что я свой, и ждет лишь ка-
кой-то формальности – пароля ли, кодового слова. Я пыта-
юсь вспомнить его, но не могу и произношу первое попав-
шееся, что приходит в голову, даже не надеясь, что сработа-

ет, что я услышу хоть какой-то ответ:

– Привет. От кого ты здесь скрываешься?

– Привет, – она, улыбаясь, отвечает. Неужели это то самое слово?

Здесь счастье идет с нами на ужин, гуляет по наконец-то дождавшемуся ночной прохлады городу, босиком по уже пустынному пляжу и по медленно остывающим каменным мостовым, оно пьет местное вино, и чуть запьянев от такого вечера, смеется над нашими словами, поправляя свои золотистые волосы. Оно ездит с нами на какие-то глупые экскурсии по старинным развалинам, поднимается по ступенчатой лестнице в гору, завтракает с нами и обедает, держит нас за руку, обнимает нас, оно всегда с нами, прислоняет свою загорелую руку к моей, не столь темной, и с гордостью прославляет свою победу. Оно здесь было до меня и останется после того как я уеду, но сейчас ночные огни теряют власть, вино выветривается, и уставшие, и затихшие улицы приведут нас в отель, а оно все равно останется со мной, в темноте одноместного номера, так близко, что сердце сжимается.

Я нашел себя с ней, в этом мире мифов и древнегреческих развалин, амфитеатров и дворцов. Нашел свою роль и полностью растворился в ней. Эней и Дидона. Она была прекрасной дочерью царя, это был ее город, она говорила о своих многочисленных богатствах. Я был человеком, героем, случайно прибитым бурей к ее берегам, бежавшим из родных краев от горя и врагов. Она устроила роскошный прием. Уго-

щала вином, проводила экскурсии по своему городу, показывала прекрасные дворцы. Она проводила свои дни, слушая мои рассказы о делах, походах, врагах, горе. Она сидела рядом, поднося к губам бокал прекрасного вина, и слушала меня. Она была прекрасна, и я наслаждался ее красотой. И это был чудесный отдых, все катастрофы окончились, затихла буря для меня по ее одному велению, и я почти забывал о своем долге, о будущих битвах, о предстоящем пути, погружаясь в ее чары. Нам прислуживали боги. Она сломала каблук, и в тихом переулке один из них в своей волшебной лавке починил его. Он был столь благороден, столь полон достоинства, столь совершенен в своем деле, мы решили спросить, почему он выбрал это ремесло для покровительства. Но он сказал, что все сапоги воинов, идущих на смерть, людей, спешащих домой из долгого странствия, танцоров, завораживающих наши души своими движениями, красавиц, подходящих к нам так тихо и незаметно, и ловкостью рук, ворующих наши сердца, все это в его власти, он правит миром. Боги разливали нам вино и подносили прекрасные яства, открывали нам подводные глубины, катали нас на белоснежных яхтах, рассказывали нам словно собственные воспоминания истории древних героев, прикасавшихся к этим же камням, пивших это же вино, принимавших эти же мысли, нашептываемые морем и небом как свои собственные. И она шептала мне, и все, что я слышал, было столь прекрасно, и я тоже думал, что это мое. И забывал с каждым ее сло-

вом, с каждым всплеском волн, что все ближе момент, когда мне надо будет уйти. И чем невесомее становилось время, чем легче было оно, тем быстрее оно улетало прочь, растворялось и таяло в этой остывающей воде.

Мы выпивали ночь все равно, что залпом – пусть и пили медленно, наслаждаясь, по мельчайшим каплям, но вот каждый раз оставалась только еще одна и еще – и больше нет. Я – гость, плененный ее красотой и поверивший, что она сможет отсрочить этот момент, все катастрофы и бури.

Это идеальный мир, и я – заблудившийся турист в его маленьких исторических улочках, переплетающихся и уводящих меня в самое его сердце, не представлял теперь себя без него. Сложнейшие узоры морских волн, мозаика на стенах, вавилонские разговоры на тысячах языков – но все понимают друг друга. Моя любовь, мои мысли, мое всемогущество. Удивительно, как легко все отсекает заdraившаяся дверь самолета, небольшая сумка, пара китайских сувениров. Я это опять я. Ничего не осталось. Я смотрел в иллюминатор, мне показалось, что на исчезающем в стороне архипелаге мелькнуло зарево пожара, или это просто заходящее солнце отразилось медью тысячи начищенных крыш, но вот осталась лишь ровная синева, покрытая рябью, морские узоры все усложнялись, пока, словно закрывшийся занавес, их не скрыли от меня сомкнувшиеся облака.

– Виски, пожалуйста, – попросил я, и через две минуты стюардесса вернулась с плещущейся в многогранном стакане

жидкостью. Я смотрел на эти грани, я видел, как электрический свет причудливо пресекается в них, я чувствовал, как на дне этого стакана, в этом вкусе, в его темноте растворяется покинутый мною мир. Но мне почти не было жаль его, я словно знал, что он остается со мною. Что где-то глубоко в моей душе волны поднимаются высоко, высоко, и облака смыкаются наверху, и начинает темнеть, и приходит очередная ночь.

Я возвращался, переполненный воспоминаниями. И если надо было бы декларировать на таможне все драгоценности, что собирался провезти я таким образом из этого солнечного мира в свою жизнь, то мне пришлось бы провести там не один день. Я хотел перенести в свою жизнь это ощущение магии, стать тоже каким-нибудь богом, пускай даже ремонта обуви, без разницы. Получать удовольствие от жизни, от совершенства своих творений. Перенести ощущение праздника, праздность в свою жизнь. Быть совершенным.

Но оказалось, что ничего в новую жизнь взять нельзя, и все так и осталось лишь воспоминаниями, все пришлось оставить там, в покинутом мною мире. Какие-то еще более жестокие законы, чем таможенные правила нашей страны действует на границе наших миров. Только пара фотографий да номер телефона, по которому отвечает уже совсем другой человек – все, что удалось пронести в этот мир.

Я снова несовершенен, и уже не волны, но будничные проблемы и трудности набегают на мой берег, с остервенением

и злостью.

Но если бы моя жизнь была бирюзовым морем, бирюзовым морем и синим небом, то я бы был небольшой белой лодкой, колышущейся на ее волнах, легко, не спеша, и я помню все, каждый всплеск волны, каждое дуновение ветра, и я благодарен за это и счастлив.

Всего семь дней – а создан целый мир, и целая жизнь прожита.

Глава 4

Миры выделяются в нашей жизни и в этой истории своею законченностью, неповторимостью, вневременностью. Эти слова не случайны, каждое – точное определение, что, так смущаясь, я впервые произнес, словно самые смелые, самые искренние признания одной ночью, все еще хранившей далекие отголоски запаха горящего миндаля и соленого моря, глядя в глаза самой жизни – широкие, неподвижные, мириадами звезд озаренные. И я был еще больше смущен от того, что чувствовал: Она из всех событий, бесконечных судеб, свершавшихся в то мгновение, остановила свой взгляд именно на мне и слушала, слушала. И что для ее слуха математичность открытых мною законов, определений – лучшие редкие комплименты, так подчеркивающие ее стройность, все ее идеально правильные черты, осмысленность, одухотворенность, бесконечную точность. Для меня важнейшие признания, для нее – комплименты, льстившие ее красоте.

Я с каждым открытием все больше влюблялся в эту жизнь, захваливал ее, даря ей все новые комплименты, все более сложные, более точные законы, все ближе подбираясь, как мне тогда казалось, к ее истинной сути, ради которой я был готов проделать любой путь и перенести любые лишения. И бессонные ночи, проведенные в поисках, размышлениях, в чтении книг – были столь малой жертвой. Период безнадеж-

ной влюбленности в эту жизнь – моя юность.

Вневременность, законченность, неповторимость – основные признаки, которые позволили мне безошибочно определить контуры и границы моих миров в общем потоке жизни. Миры вневременны – от перестановки их местами в нашем сознании ничто не меняется. Миры закончены – к ним ничто нельзя прибавить, как бы этого нам ни хотелось. И никогда нам не повторить их, никогда не вернуться в них, никогда вновь не настичь ни один из них. Легче простых чисел они послушно и безошибочно складываются в моем сознании, повинаясь этим законам бесконечно точно. Эти законы и спустя годы остались верными, лишь я изменился, изменились лишь мои чувства, изменилось лишь ощущение от их прикосновений – безнадежность и холодное отчаянье вместо влюбленности. И сейчас я уже не знаю, что же делать с ними, с их бесполезной теперь, тяжелой, мучающей меня верностью.

Первую половину жизни мы мчимся вперед, ища все новые и новые миры, но в какой-то момент мы вдруг понимаем, что пробежали все слишком быстро, чем-то мы не успели насладиться, к чему-то не успели привыкнуть, кому-то не успели сказать что-то важное, где-то оставить свой след – на песке ли, в душе. Упустили что-то самое главное, что-то, что уже было с нами, но что мы в этих бесконечных перемещениях между мирами где-то забыли, потеряли, оставили, словно перепутав багаж, взяв вместо своего – чужой. Почти

такой же внешне, но не имеющий ничего общего с нами в своем содержимом. Что делать теперь с ним? С этим чужим счастьем?

И вот мы пытаемся все исправить, бежать назад к прошлому еще быстрее, но словно инерция нашего до этого момента безостановочного движения не дает нам вдруг поменять направление с точностью на противоположное, и вместо счастливого возвращения – все новые и новые, незнакомые миры. Мы знаем, что нам нужно, но не можем вернуться.

Придумав сам все эти миры, законы, и испытав тогда от своих открытий настоящее удовольствие и счастье, как бы я теперь хотел, чтобы все это оказалось лишь юношеской идеализацией, пусть бесконечно прекрасной и полной романтики, но все же сотканной из ошибок, наивности и незнания. Чтобы вся эта история в итоге спуталась в обычное последовательное повествование, чуть лучше многих, хуже остальных, пусть. Но жизнь идет, и книга постепенно появляется на свет, и только все дальше мои миры расходятся один от другого, все очевиднее и неповторимее становятся они. И как бы я хотел теперь отменить хотя бы последнее правило – неповторимость, но что я ни делал для этого, как ни пытался вернуться, все лишь доказывало его верность. Оно верно и сейчас, когда я пишу эту книгу, я уже знаю это наверняка и нуждаюсь в его опровержении как никогда раньше. Сидя рядом с другим морем, раскидывая руками другой песок, в очередной раз промахнувшись.

Но тогда, в начале моего пути мне было не до этого. Математика открытых мною закономерностей, беспощадная математическая красота жизни так привлекали меня. Надо было быть осторожнее, тише, но меня несло в новые миры, опьяненного их свежестью. Не до возвращения было, лишь новых миров я жаждал. И вся борьба с этими выдуманнами законами, в будущем проявившими свою силу и неистовость, была еще впереди. Пока же они не трогали меня и демонстрировали лишь свои положительные качества, упорядочивая время, обнажая его структуру, даря мне все новые и новые открытия. Они не требовали меня подчиниться им, ничего не требовали от меня, лишь одаривали меня все новыми и новыми мирами, драгоценностями, счастьем, открытиями и откровениями.

Так, благодаря им, я обнаружил малые миры моей жизни, вдруг выделившиеся, вычисленные, обретшие жизнь в моем прошлом. Целые скопления их, словно звезды южного неба, словно бриллиантовая россыпь вокруг изящной шеи заморской принцессы. Почти невидимые для глаз, но вместе с большими мирами составляющие космическую систему моей жизни. Какой богатой оказалась она, сложной. Все новые и новые миры. Оказалось, что некоторые из них могут длиться лишь мгновения, случайным прикосновением красоты рождаемые и успевающие отдать нам всю свою любовь, прожить за это время целую жизнь.

И вдруг, попав в один из таких миров, мы перестаем быть

теми, кем привыкли быть, и наш голос звучит строже ли, мягче – не так, и наши глаза светятся их блеском, и мы уже не обычные люди, мы ощущаем их красоту и сами становимся ее частью. Преображение, которое не успевает заметить никто вокруг, как и нашей пропажи, исчезновения – того, что целое мгновение нас не было здесь, того, что целую жизнь мы прожили там, что наше сознание вдруг перенеслось прочь и так далеко, так высоко забрались мы и, вернувшись, принесли назад в своих глазах звездный блеск.

И так же сложно, как заметить окружающим нашу пропажу, наше путешествие в этот мир, так же сложно сохранить нам после возвращения невозмутимость, чтобы не выдать, не показать, что произошло. Эти миры существуют везде, бесконечно прекрасно их многообразие. Они – созвездия, спелыми гроздьями нависающие над черной змейкою уползающим и прячущимся в пустыне моим поездом. Они – ледяной холод зимы, вдруг натолкнувшийся на преграду в своем стремительном движении, на тончайшее стекло, делящее ночную тьму – такая ненадежная защита от столь страшного хищника, злобно воющего. Они – пьянящее тепло, смешанное с эллинским вином, перебродившее за десятки веков и теперь не оставляющее шанса случайному гостю сохранить свой рассудок, целое алеющее на закате море. Эти миры – бриллианты. Бриллианты нашей жизни, попадающиеся нам прямо на дороге и составляющие потом все наше богатство. Как многогранны они – тысячи идеальных граней, линий:

плавная линия горизонта, косые линии гор вдали, неуловимая грань пляжа, сверкающая морской пеной, линии жизни, линии южных созвездий, управляющие нашей судьбою, линия твоего тела, нежно изгибающаяся и, поворачиваясь, преломляющая лунный ли, или солнечный свет. Волнами спадающие золотистые волосы, ровный квадрат окна в моем номере или идеальный кружочек от доньшка бокала с коктейлем на полуночном столе открытой веранды – как нам не хотелось спать. Кем-то безумно точно выделаны эти линии, грани – образуют неповторимые миры, преломляют свет, играют с ними, приводя нас в безмолвное счастье. Мы не можем ни подарить, ни продать эти миры, и даже почти невозможно показать их никому, к сожалению, но и невозможно потерять. И мне кажется, что все это сделано так, чтобы мы всегда были бесконечно богаты – рассеянные дети, так и норовящие все обронить. Может, если мы станем чуть-чуть умнее, взрослее, мы сможем сами распоряжаться ими. Но пока они всегда с нами.

Я изучал эти законы, я примерял их к прошлому, каждый раз находя им подтверждение. Я закрывал глаза и находил все новые и новые миры, погружаясь в воспоминания. И они приобретали в моем сознании стройность и законченность.

Я закрывал глаза, и ступеньки вновь уходили вверх в темноту, а чуть ниже огромное море блестело своей чернотой, обрамленное силуэтами гор. И крикливый пляжный город оставался внизу, тишина, лишь слегка касался этой высоты

его свет. И созвездия южного неба выстраивались в геометрически точные последовательности. И теплый ветер, чтобы я не замерз, набрасывал мне на плечи свой легкий трепещущий шелк. И время совсем останавливалось. И невозможно ни идти дальше, ни вернуться, я словно в невесомости, словно на огромной глубине. Слыша отголоски жизни и шепот ветра. Видя и звезды, и огни города, но не в состоянии дотронуться, дотянуться до них.

Глава 5

Я не помню, когда впервые столкнулся с их разъяренными красными глазами, с их необъяснимым животным гневом. Когда они впервые почувствовали мой страх и свою власть надо мной, мою слабость и свою силу.

Каждый человек – это целый мир, взгляни на огромное пространство своей души, ты увидишь настоящее небо, бескрайние поля, высокие горы, таинственный темный лес вдали и небольшую речку рядом, и трудолюбивых поселенцев, пытающихся наладить спокойную, праведную жизнь.

Это все ты почувствуй – какое огромное пространство, как много ветра, воздуха. Ты день за днем наблюдаешь за этим миром с божественной высоты, ты видишь, как лето сменяется осенью и зима весной. Почувствуй счастье, почувствуй тревогу за это счастье, ты же видишь отсюда так далеко, до самого горизонта – ты же знаешь, что кто-то еще населяет этот мир. Испытываешь ужас от этого?

Что скрывают эти темные леса? Монстры, прячущиеся в темных углах нашего сознания, они набрасываются на нас, на нашу душу, разрывая на части, оставляя следы от своих зубов и уходя в никуда. Зачем они в этом мире? В моей душе? Что ищут? Откуда в них эта сила? Неужели это все я? Зачем? Темная сторона моей жизни.

ОНИ выслеживают меня, заманивают, идут за мной по темным зимним ночным улицам. Я слышу ИХ голоса, чувствую страх, пытаюсь спрятаться – где угодно. В почти чужой компании, в шумном теплом заведении с деревянными столами, где тускло горят настенные светильники.

– Виски!

Улыбчивые официантки приносят наполненные до краев стаканы. И стеклянный звон, и шум громкой музыки, и многоголосье посетителей – все заглушает ИХ вой. И я в тепле и в безопасности спрятан, ОНИ остались где-то за дверью, в темноте, и не могут проникнуть сюда. Неужели на этот раз я избежал ИХ?

– За тебя, друг! Как давно мы не сидели так с тобой! – мой сосед по барному столику угрожающе поднял стакан, пролив несколько капель на стол.

– За нас! – звон стекла, от столкновения из стаканов вылилось еще несколько капель, я, словно акробат идущий по канату над пропастью, остановился на мгновение, пытаюсь удержать равновесие, несколько нерешительных секунд, и после я ощутил обжигающее горло тепло.

Этот человек и правда мой друг, хотя, то, что сейчас осталось от дружбы – это редкие развалины Античных городов. В них уже невозможно жить, но разве можно их снести с лица

земли и строить на их месте что-то заново? Не видел его два года. Когда сейчас увидел, он и правда показался мне разрушенной древней статуей с трещинами по осунувшемуся лицу, в потертой куртке и старых джинсах. Я пытался вспомнить того, кого изображает эта статуя.

– Стой, подожди, – обратился он к проходящей мимо официантке, – еще по сто.

Я ничего о нем не знаю сейчас, лишь обрывки каких-то старых историй вертятся в голове. Неужели он был великим полководцем? Героем? Правителем? Я, наверное, что-то читал о нем, но не помню, что. В каких древних мифах или старинных книгах встречался он мне? Какие подвиги или злодеяния превратили его в камень? Я не чувствовал в нем хоть какой-то жизни. Я вообще не чувствовал здесь хоть какой-то жизни. Я закрывал глаза и вся эта сигарно-дымная пелена призрачной таверны рассеивалась, и шум стихал.

Я стою высоко-высоко, на огромном утесе, на самом краю. Я пытаюсь вслушаться в журчание маленького ручейка, протекающего в долине, внизу. Мне безумно нужно знать, что он нашептывает мне, что пытается объяснить. Это и есть настоящий голос, мой голос.

Ни слова не разобрать и не спуститься к нему, огромная чудовищная пропасть.

Меня вдруг охватил страх высоты, своими цепкими холодными руками обездвижил. Я открыл глаза, в полутьме та-

верны мне что-то говорили, но я не мог ответить или пошевелиться, перехватило дыхание. Как безумно высоко. Страх высоты, но я не могу никому рассказать о нем из окружающих, засмеют, не поймут меня. Я закрыл глаза и снова очутился на самом краю, я смотрел вниз, на далекую реку, и мне казалось, что она и есть моя жизнь, и что вода может, словно маленькая змейка, уползти совсем. Как бы я хотел спуститься к ней, в тишину. Вернуться в благодать спокойной долины. И как мне было страшно – дрожали руки от холода или от ужаса. Вой ветра и крик птиц, отчаявшихся подняться еще выше, и шум леса, и страх – все это парализовало меня. И все заглушающая музыка, и непонятные слова и речи, и звон стаканов. Отвлечься, отвлечься, быть с ними заодно, спастись.

– Как я рад видеть тебя, все-таки ничего не изменилось, ничего не меняется, – громко провозглашает мой сосед. Ничего, только даже камень подвластен времени.

– Еще по сто! – в сторону кричу я, избегая ответа, – девушка, еще по сто!

Как же спуститься? Как спуститься вниз? Никак, никак: броситься с обрыва? Я не знаю другого пути. Нет никакого пути, нет. Буду здесь.

Мягкий свет постепенно перемешался с клубами табачного дыма, с шумом разговоров, с завывающей музыкой, с горьким вкусом виски. Женские лица расплылись, словно художник, рисовавший их, разочаровавшись, решил все-таки ис-

править очевидные ошибки и размыл все краски, подарив им будущее и ключ от нашего воображения. Я знаю, что ничего у него не получится, и то, что он опять нарисует к утру вместо этих красочных, взволновавших фантазию разводов, будет бездарно, но какой пьянящий коктейль: обжигающий лед смысла и тревог тает в нем, теряя свои четкие очертания.

– Как тебя зовут красавица? Ты не скучаешь? Присаживайся к нам.

– Девушка! Два по сто и... Что ты будешь? Вино?

ОНИ ворвались, когда я уже совсем не был готов к НИМ, я даже забыл о НИХ и уже не мог сопротивляться. Перевернув весь мой мир, обрушив вниз, разбив бокалы и графин об пол, ОНИ просто смели все со стола, перемешав цвета, крики, голоса, жала меня своими зубами. Мое сознание, словно стекло, разбилось блестящими звонкими брызгами осколков о какой-то выступающий угол, обо что-то твердое и беспощадное, и разлетелось по полу, все перемешалось, режа мне щеки, кожу. Боль и стыд пронзили меня. Зачем все это?

Я помню дорожные огни, я куда-то мчался, пытаюсь уехать, сбежать от НИХ, от себя, вырвавшись на мгновение и почти оторвавшись от погони. Но ОНИ загоняли меня назад, и это был проклятый круг, и то же самое место – я зачем-то вернулся. Въехав прямо в сугроб у бара, оставил машину открытой, поцарапав дверь. И все продолжалось, все снова, но они уже не отпускали меня, вцепились, схватили и поволокли куда-то. Боль и снег, ОНИ ухватили меня и с силой рвали

на части, не отпуская, кто-то держал меня, чьи-то руки, пытаюсь спасти, но ОНИ не уходили, долго-долго не оставляли в покое. Неужели на этот раз ОНИ решили довести дело до конца? Неужели все? Неужели не отпустят? Огромные звезды были безучастны. Само время было безучастно. Я поднимался, но ОНИ, навалившись со всей силы, возвращали меня на землю, роняли и опять с болью вцеплялись в меня, выворачивая наизнанку.

Я так себе это представляю: первым ушли ОНИ, потом звезды начали расходиться по одной, грустно мерцая, словно пожимая плечами, потом пошло время и Я еще долго лежал и ОНА, та, чьи руки пытались меня спасти, оставалась рядом. Она была похожа на одну из незавершенных работ того художника, на тех пьяных девушек: смазанная помада, растекшаяся тушь, неужели из-за слез? Или из-за мокрого снега, что, не переставая, валился на нас с неба? Нечеткие черты, смытые, чужой взгляд, я почти не узнавал ее, неужели я все испортил, неужели я потерял ее, такую, как знал раньше, вряд ли можно восстановить все, вряд ли хоть кто-то сможет исправить все, нарисовать заново, вернуть ее красоту и любовь. Она меня бросит. Я боюсь, я боюсь, что ничего у этого художника не получится, Он не сможет, а может, и не станет стараться, сочтет напрасной тратой времени, смирится с потерей. И то, что он нарисует к утру вместо красочных линий, вместо прекрасной жизни, о которой я мечтал, вместо того, что было смыто, стерто этой ночью – словно какой-то зло-

умышленник выплеснул на картину серную кислоту – будет бездарно, в лучшем случае – неудачная копия.

Утро, наш дом, все воспоминания в грязи, словно по ним ходили всю ночь какие-то пьяные люди: чьи-то руки, чьи-то незнакомые мне губы, расстегнутая грязная кофточка, женские некрасивые, глупые, пошлые фразы, разлитое пиво, кровь и боль, лица, люди, что держали меня, я замахивался, но мимо, они попадали точно, кровь и боль. Но это не я набросился на них и не они на меня, это что-то третье, бешеное и злое вцепилось в мою глотку. И, оказывается, я был еще где-то? В памяти запачканный брызгами на лобовом стекле блеск обледеневшей ночной дороги, грязный снег. Бесконечный стыд.

Я включил в ванной воду, ее прозрачная струя медленно потекла по белому дну, та самая река, так близко теперь, совсем рядом, я шагнул в ее тепло, в ее чистоту, лицо щипало, и порез на руке тоже отзывался неприятной болью, тишина.

Я закрыл глаза, предо мною предстала эта просыпающаяся огромная разоренная долина моей души, безответный шепот ветра, встреченный страхом, зловещей тишиной и тревогой; пустота, насколько хватает взгляда – ничего нет. Откуда они приходят? Эти монстры?

Не подходи к темному лесу, никогда не подходи к лесу, бойся его, держись подальше, здесь в этих краях все знают это, все эти поселенцы, берегущие свою жизнь. Просто бойся и обходи стороной.

Но это же все я, и это был мой лес. И я когда-то играл в нем. Откуда же они здесь? Зачем? Почему я не могу им сопротивляться? Откуда это во мне? Что это такое? Почему я не могу жить без страха?

ОНА стояла рядом, умывалась, холодной водой смывая оставшуюся косметику, смывая тушь, слезы, бессонную ночь. И черты становились все четче, все прекраснее. Все совершеннее работа, все мягче цвета. У художника получается! У Него все-таки получается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.